

— Тот выродок сказал, что людей набрали не полностью, даже половины нет, поэтому он собирается проводить принудительный набор.

— Принудительный набор? Что это значит? — Ди Цзю подумал: неужели это именно то, о чем он подумал?

Линь Тянь, глядя ему в глаза, с усмешкой ответил:

— Не гадай, это именно то, о чем ты подумал.

— Да чтоб его мать! Этот сукин сын и вправду готов использовать куриное перо как приказной жезл. Не хватает людей — ну и пусть, невелика потеря, без этих нескольких человек армия не развалится.

— Невелика, говоришь? А этот ублюдок заявил: если людей не наберет, то сам получит нагоняй.

— Черт, да разве жизнь человека стоит тех нескольких слов выговора?!

Линь Тянь приподнял брови и пожал плечами:

— Так он же подонок, просто шестерка.

Ди Цзю крепко сжал кулаки, на шее вздулись вены — было видно, что он в ярости. В каждом городе набирают по десять тысяч человек, а ведь по всему государству Цзинь идет мобилизация! Это же сотни тысяч людей! Если каждый будет рассуждать как Сунь Буи — мол, не набрал людей, так проводи принудительный набор, — то еще до начала войны народный дух будет подорван.

Самое страшное, что если всех молодых и сильных мужчин заберут в солдаты, то в будущем урожайность в Цзинь упадет. А если везде будет спад, то спокойные дни в государстве закончатся. Сначала пойдут потоки голодающих беженцев на юг. А где много беженцев — там и внутренние смуты. После смут — смерть. А за ней — эпидемии. Черт, отец когда-то рассказывал, что предыдущая династия, кажется, именно так сама себя и погубила.

Ди Цзю внезапно схватился за голову: нельзя об этом думать. Если продолжить, то основам государства Цзинь, стоявшего триста лет, придет конец.

— Черт возьми, кто вообще повысил этого Сунь Буи?! У него же мозгов нет!

Ди Цзю скрежетал зубами так, словно готов был вцепиться в Сунь Буи. Линь Тянь испугался:

— Что случилось? С чего вдруг такой разговор?

— Да ни с чего, просто нахлынуло. Как же здорово быть чиновником, что хочу, то и ворочу.

Линь Тянь усмехнулся:

— Но если подумать, ты ведь служишь дольше меня, у тебя военных заслуг горы. Почему ты до сих пор простой солдат? Давно пора было продвигаться.

Ди Цзю печально вздохнул:

— И то верно. Сам чувствую, что в армии засиделся. Красавицы в столице, что были в расцвете лет, уже замуж повыходили, а у меня даже той, кто постель согреет, нет!

Линь Тянь:

— ...Ха-ха, катись отсюда! Как будто у нас она есть.

Для новобранцев, которые уже отправились в дальний путь к военному лагерю, эта ночь прошла в пыли и без единой минуты отдыха. Темнота, путь вслепую. Но это была их новая жизнь, им придется привыкнуть. Хорошо хоть, при записи в армию все не поскупились на снаряжение — у каждого был боевой конь. Лошади были разные, но выносливости хватало, чтобы не отставать, и в этой непроглядной тьме никто не потерялся.

А вот для тех крепких парней в городе, которых силой вытащили из домов, это стало ударом грома среди ясного неба. Спали себе спокойно, как вдруг снаружи раздался яростный шум и крики:

— Открывайте! Открывайте, живо открывайте двери!

Разбуженные мужчины, протирая заспанные глаза, не успевали ничего сообразить, как их уже выталкивали на улицу под присмотром отряда стражников.

— В солдаты! Все в солдаты! Ситуация в государстве Цзинь напряженная, людей не хватает. Ради наших домов, ради всех нас, вы должны идти на поле боя, убивать врагов, защищать наши земли от посягательств! Это ваша честь! Нельзя допустить, чтобы Цзиньцян снова вторгся на наши территории. Берите вещи, выступаем немедленно!

Слова звучали высокопарно. Темнокожий худощавый мужчина вышагивал важной походкой,

бросая вдохновляющие лозунги, но на лице его застыла насмешка. Он махнул рукой, и мелкий чиновник, который днем записывал имена у ворот, подбежал с книгой, начиная выкрикивать имена.

Имена!

Мужчина в ужасе уставился на список в руках чиновника, пытаясь вырваться. Сейчас имя было словно проклятие, заклинание, сулящее смерть. Он отступал назад и назад. Как только имя попадало в список — это означало, что он в армии. Сбежишь — дезертир, казнь.

Сунь Буи подошел к нему. Чиновник с кистью в руке спросил:

— Как тебя зовут?

Мужчина молчал, не в силах вымолвить ни слова. Сунь Буи холодно скривил губы. Увидев, что его сапог испачкался, он поднял ногу и со всей силы наступил на колено мужчины. Стоявший позади солдат тут же подбежал и ударил его под колено, заставляя парня с грохотом рухнуть на землю.

Сунь Буи довольно посмотрел на услужливого солдата, медленно наклонился, отряхнул свой сапог и неспешно повторил:

— Так как тебя зовут?

****Глава 9. Выступление****

Поторапливаясь, они проехали почти пол-ночи. Люди еще могли держаться, а вот лошади устали. Это ценные животные, на них еще воевать, нельзя их загонять. Линь Тянь огляделся, нашел открытое место с хорошим обзором и скомандовал привал.

Несколько сотен человек были так измотаны, что не могли вымолвить ни слова. Хотя они ехали верхом, но просидеть в седле несколько часов — это болят поясница, ноги, задница, а внутренняя сторона бедер стерта до крови. Когда Линь Тянь разрешил отдых, люди просто повалились на землю, не в силах пошевелиться.

Ди Ло тоже было невыносимо тяжело, к тому же живот сводило от голода. Она порылась в своем узелке, но ничего не нашла. Хлопнула себя по лбу: вспомнила, что днем, переживая о раскрытии своей тайны, забыла взять сухой паек.

Она облизнула губы, огляделась и пнула Чжао Шисаня по бедру:

— Чжао Шисань, ты голоден? У тебя есть что поесть? Я днем забыла взять провизию.

— Ссс, не пинайся, больно, — Чжао Шисань лежал на земле звездочкой, вид у него был совершенно безжизненный.

Весь вечер его настроение было подавленным. В голове крутились слова жены: — Я тоже забыла. Днем думала только о том, как опоить бабушку и жену, чтобы не мешали мне стать героем, ничего не приготовила, только и мечтала, как сбежать.

Ди Ло фыркнула:

— Герой, тоже мне. Хорошо же ты, сам на смерть напророчился, ради этого даже бабушку опоил. Умереть захотел — не остановишь.

Чжао Шисань резко сел, вытаращил глаза и сердито выпалил:

— А сама-то? Не то же самое? Мы друг друга стоим.

— Э, нет, не сравнивай меня с собой. Я никого не поила, чтобы попасть на войну. Чжао Шисань, у тебя с головой всё в порядке? Жена вот-вот родит, а ты думаешь о книжных бреднях! Дома остались только жена и бабушка, эгоист ты этакий!

Чжао Шисань упрямо вытянул шею:

— Жена только забеременела, еще не рождает!

Ди Ло усмехнулась:

— А какая разница? Служба, война — можно и десять лет не вернуться. Когда вернешься, ребенок уже вырастет. Узнает ли он тебя? Главное, выживешь ли ты вообще — вот вопрос!

Чжао Шисань задумался. Ведь правда. У соседа младший сын только в отпуск и возвращается, а ведь сейчас даже войны нет. А если действительно начнется бойня, он может и вовсе не вернуться! Но признать себя глупцом — это другое дело. Он уже здесь, пути назад нет.

— А ты сама-то чего пришла?

— Я? Я одиночка. Не чета тебе. У тебя семья, жена, бабушка, есть о ком беспокоиться.

Ди Ло легла на землю, подложив руки под голову. Звезды на небе словно спрятались за ночной мглой, мерцая то ярко, то тускло. Ди Ло прищурилась, скрывая блеск в глазах.

— Ты просто дурак. Как же хорошо было бы остаться с бабушкой и женой.

И вот, после того как весь день он молчал, Ди Ло вдруг разговори́лась. Говори́ла неспешно, но бесконечно:

— У меня есть сестра, брат, отец и мать. Семья из четырех человек, жили богато, не знали нужды. У сестры был жених, у брата — молодая жена...

Не успела она закончить, как губы Ди Ло дрогнули. Она резко закрыла глаза, словно вспомнив что-то, всё тело затряслось. Она перевернулась на другой бок, спиной к Чжао Шисаню, и замолчала.

Чжао Шисань ждал продолжения, но наступила тишина. Он повернул голову, глядя на слегка дрожащие плечи Ди Ло. Хотел утешить, но не знал как. Что с ней случилось? Почему такой юнец скита́ется, идет в солдаты, и никого рядом? Он ничего не знал, и утешать было нечем.

Он потянулся было, но одернул руку и молча вздохнул:

— Ладно, спи. Завтра весь день в пути, уснешь — и голод пройдет.

В своих закрытых глазах Ди Ло словно слышала, как отец входит в ворота и смеется: — Голодная? Давай поедим чего-нибудь вкусенького, ешь досыта, посмотри, какая худая, глаза ввалились! Скажи, не худеешь ли ты тайком? Не надо худеть, ты и так хороша, правда. Разве не голодно ложиться спать на пустой желудок?!

Во сне Ди Ло со слезами в голосе кричала: — Папа, я скучаю! Мама, брат, сестра! Почему вы меня вытолкали? Вы должны были взять меня с собой, мы же семья! Мы должны делить и радости, и беды! А теперь я осталась одна, неужели вы хотите, чтобы я всю жизнь страдала?

— Эй, проснись, проснись!

Неизвестно, когда она уснула, но вдруг почувствовала сильную тряску. Кто-то вырвал её из объятий отца. В ушах раздался знакомый голос:

— Малыш, уснул? Слышу, живот урчит. Разве можно уснуть голодным? У меня тут лепешка с мясом, купленная днем, будешь?

Аромат был божественный. Ди Ло потянула носом, открыла глаза и увидела мужчину с маленькими косичками, который сидел рядом и вертел лепешкой у неё перед носом.

Видимо, вертел недолго, раз она так быстро проснулась. Вместе с ней проснулся и Чжао Шисань. Он устался на лепешку в руках Ди Цзю, и слюни потекли по подбородку прямо на

одежду.

— Э-э, брат, у тебя еще есть?!

Увидев его глупую ухмылку и текущие слюни, Ди Цзю едва не стошнило. Чжао Шисань хихикнул, поспешно вытер рот и заискивающе улыбнулся:

— Я сегодня почти ничего не ел, всю ночь в пути, желудок сводит. Брат, дай одну, а?

Ди Цзю равнодушно закатил глаза, пошарил за пазухой, достал бумажный сверток и бросил Чжао Шисаню. Тот поблагодарил и принялся жадно жевать. Ди Цзю с явным отвращением скривился и только потом протянул лепешку Ди Ло.

Ди Ло не стала ломаться, поблагодарила и взяла её. После того как весь день слушала болтовню Чжао Шисаня, она начала понимать, как ведут себя мужчины. Не жеманничать, не мяться, держаться уверенно. Она постаралась избавиться от своих девичьих повадок — чем проще, тем лучше. Она даже украдкой поглядывала на позу Ди Цзю, пытаясь подражать.

— Слушай, я ведь днем ошибся, а ты и не объяснил ничего, поставил меня в неловкое положение, — Ди Цзю потянулся, лениво оперся на локоть и, полулежа, посмотрел на Ди Ло.

Ди Ло, жуя, взглянула на него:

— Это всего лишь слова, я привыкла.

— Все равно не верю, что ты пацан. Посмотри на себя, ну какой из тебя сорванец? — Ди Цзю всё еще был в недоумении, цокая языком. — Ты посмотри на себя, а потом на него. Ты жуешь медленно, еще и пальцы растопыриваешь!

— Пф! Кх-кх-кх!

Ди Ло поперхнулась, лицо залилось краской, крошки лепешки полетели во все стороны.

— Чего это ты поперхнулся?

Ди Цзю уже не было до лени, он засуетился, хлопая Ди Ло по спине и протягивая воду:

— Ешь медленнее, я просто болтаю, чего так реагировать?

Чжао Шисань улыбался, набив рот едой, и наблюдал за представлением. Ди Ло была в ярости — крошки попали в дыхательное горло. Наконец отдышавшись, она в сердцах пнула Чжао

Шисаня по бедру:

— Посмотри на себя, как ты ешь, весь в жиру! Еще и книжник, где твои манеры?

Глава 10. Цзиньцян

Чжао Шисань опешил от такого пинка. Бедро и так болело, а тут стало жечь еще сильнее. Он всерьез подозревал, что Ди Ло вымещает на нем злость. Услышав её слова, он не выдержал:

— Что значит книжник? Что с того? Я ем не за твой счет! Я книжник и горжусь этим! Что, книжник — не человек? Книжники тоже едят, пьют, ходят в туалет, пукают! Не говори мне, что ты никогда тайком не чесал пятки или задницу? Ха! Да, я вульгарный, я вульгарный книжник, и что?!

Ди Ло: «...»

И правда, язык подвешен отлично, не заткнешь. Но с этого момента весь книжный лоск Чжао Шисаня в глазах Ди Ло окончательно рухнул. Туалеты, газы, скрип зубов, храп, ковыряние в пятках — это было невозможно развидеть. Жаль его красивого лица. Ди Ло всерьез сомневалась: как он вообще сдал экзамен на сюэя? Неужели ему плевать на имидж?!

В конце он добавил:

— Сейчас не то время, чтобы церемониться! Если я буду следить за этим, разве я выживу?

Чжао Шисань выговорился, выплеснув накопившуюся за день обиду. Он подумал: раз ты на мне срываешься, я тоже буду. Мы оба одинаковые, нечего смотреть на меня свысока!

Ди Ло покраснела от ярости, указывая на него дрожащим пальцем. Ди Цзю, глядя на это, испугался, что сейчас полетят пощечины. Они в армии, здесь свои правила: не драться, не применять оружие. Поймают — двадцать палок, а то и военный суд. Палки — это не шутка, они из цельного дерева, можно и дух испустить. Сам он однажды получил — еле выжил, неделю лежал пластом.

Вытирая пот со лба, Ди Цзю поспешил сгладить углы. Он широко взмахнул рукой, притянул Ди Ло к себе и, смеясь, потрепал её по голове:

— Ладно, ладно, хватит ссориться! Спать пора, завтра рано вставать. Я пойду вперед, если что нужно — зовите!

«Вжух...»

Ди Ло почувствовала, как будто её нажали на кнопку «пауза», и оцепенела. Все её чувства сосредоточились на крепкой руке Ди Цзю, обнимающей её, на широкой груди, на ощущении его ладони на макушке и на горячем дыхании у уха. Всё это вызывало зуд по всему телу. В голове была лишь одна мысль: «Да чтоб тебя!!! Меня обнял мужчина! Он обнял меня! Он. Меня. Обнял!»

Когда Ди Цзю ушел, Ди Ло все еще не могла прийти в себя. Чжао Шисань сначала не хотел обращать на неё внимания, но, увидев этот глупый, вызывающий у него отвращение взгляд, вдруг подумал, что это... довольно мило!

Кхе-кхе-кхе!

Совсем с ума сошел, считать мужчину милым!

Чжао Шисань кашлянул:

— О чем думаешь? Спать не собираешься?

Ди Ло: «...»

Не уснуть, всё тело как будто током бьет, как тут уснешь!

Чжао Шисань решил, что Ди Ло расстроилась из-за слов Ди Цзю о том, что она не похожа на мальчика. Он осторожно посмотрел на неё и сказал:

— Как ты вообще познакомилась с этим Ди Цзю? Не бери в голову, они, вояки, грубые, говорят что попало.

Ди Ло безвольно опустила голову:

— Нет, просто... не знаю, что-то не так.

— Знаю, это потому что он сказал, что ты не похож на мальчика. Это ерунда. Знаешь, когда я уставал от учебы, я читал всякие диковинки. В книгах пишут о нравах, ландшафтах, мир такой огромный, чего только нет!

Внимание Ди Ло переключилось на слова Чжао Шисаня. Видя, что она стала спокойнее, он прочистил горло и, забыв о недавней ссоре, увлеченно заговорил, и глаза его заблестели:

— Скажу тебе, то, что ты похож на девчонку, — это пустяки. Я читал в одной книге, что за пределами наших земель, в государстве Цзиньцян, есть люди, которые выглядят невероятно красиво. И если женщины красивые — это понятно, но там мужчины красивее женщин! Вид у них — как у небожителей.

Ди Ло:

— Что, видел их?

Чжао Шисань покачал головой:

— Нет, но в книге было сказано, что наше Цзинь хоть и меньше Цзиньцяна в три раза, зато земли у нас плодородные, климат мягкий, круглый год весна. Даже женщины у нас такие нежные, кроткие, типичные благородные девицы.

Это было правдой, Ди Ло согласно кивнула. До того как она пошла в армию, отец тоже не разрешал ей выходить из дома, заставлял сидеть в будуаре, вышивать платки и кошельки, учил манерам и благородству.

<http://bllate.org/book/20963/2127238>